

В клубе «Только стихия, только поэзия» 17 июля 2013 года.

Собрались в 420-ый раз!!!

В этот день было 10 ава по лунному календарю.

Виктор Мирочник рассказал о 9 ава и прочёл стихи израильских поэтов об этом дне

Девятое Ава — национальный день траура еврейского народа — день, когда были разрушены Первый и Второй Иерусалимские храмы.

Арье Юдасин

9 Ава

Плач поколений —

я слышу этот плач.

Так рыдают от ран олени

и кряхтит палач.

Так рушатся стены дома,

и свист, и взрыв.

Так рыдает кто-то знакомый

во мне навзрыд.

Плач на сто поколений —

дрожат часы.

Изгнанники на коленях,

калитка, псы.

Придурак с ножом и бомбой

и крик — вчера.

Вселенная — катакомбы.

В ней строят Храм.

Михаил Витебский

Энтропия. Август 70 г. н.э. Исторические зарисовки

В огне Иерусалим. Горит Великий Храм.

Беснуются легионеры Тита.

Первосвященники, зелоты и левиты
отчаянно взывают к небесам.
Но небо равнодушно к их слезам,-
Нет помощи. Последние убиты...
И кровью камни алтаря покрыты,
и горы трупов громаздятся там...
Левит- ключарь на крыше возопил:
"У иудеев нету больше сил.
Избавь нас, мёртвых, Господи от срама!"
И связку бросил он под облака.
"О Господи, прими ключи от Храма!"
... И приняла их Ангела рука.

Лариса Кацман

9 Ава

Есть день, что отмечен глубокой печалью.
Печаль, как печать на великих камнях.
9 Ава, 9 Ава, разносится вдаль,
Как небесный набат.
То день роковой, за грехи наказанье,
Послал нам Г-сподь, уничтожив свой храм.
И были там смерть и беда, покаянье,
Но нового Храма никто не создАл.
Велик Соломон, и, красиво творенье...
Лишь только Стена от былой красоты...
И толпы людей у Стены в иступленьи

Читают псалмы, читают псалмы...
Прости нас, Вс-вышний, постом искупая,
За беды бывые прощенье нам дай.
Один из Давида к тебе уповая,
Великий, божественный выстроит Храм.
14.06.11.

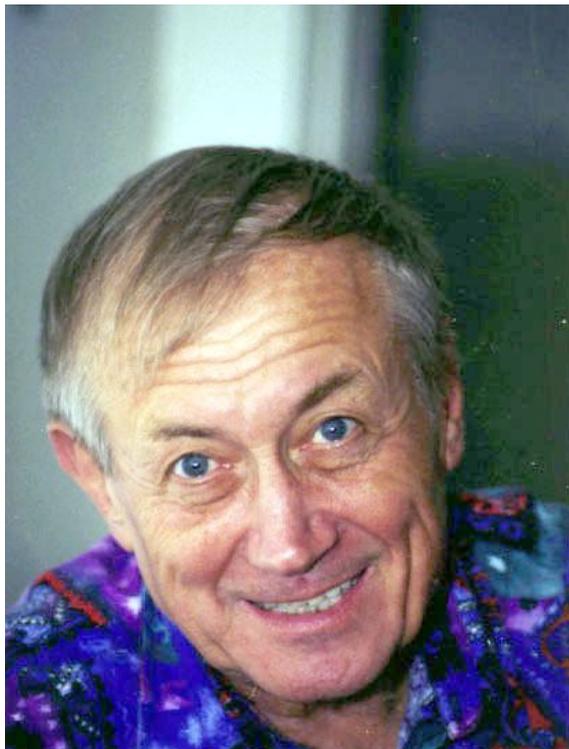
Исаак Иткин

Пост 9 Ава

Ава девятое, пост наступает,
небо в тумане забот.
Плач Иеремии с волненьем читает
избранный Богом народ.
Время листает века без наитий,
фактов сжимая шагрень.
Множество скорбных, жестоких событий
произошло в этот день.
Не изменяя творцу в идеале,
светлой молитвой в тиши.
Путь из тревоги, обид и печалей,
предки не сдавшись прошли.
Не уважая законы природы,
щедро польстившись на мзду.
Губят друг друга бессчётно народы,
сея хаос и вражду.
Хоть добавляют потёмки густые
новых седин в волосах.

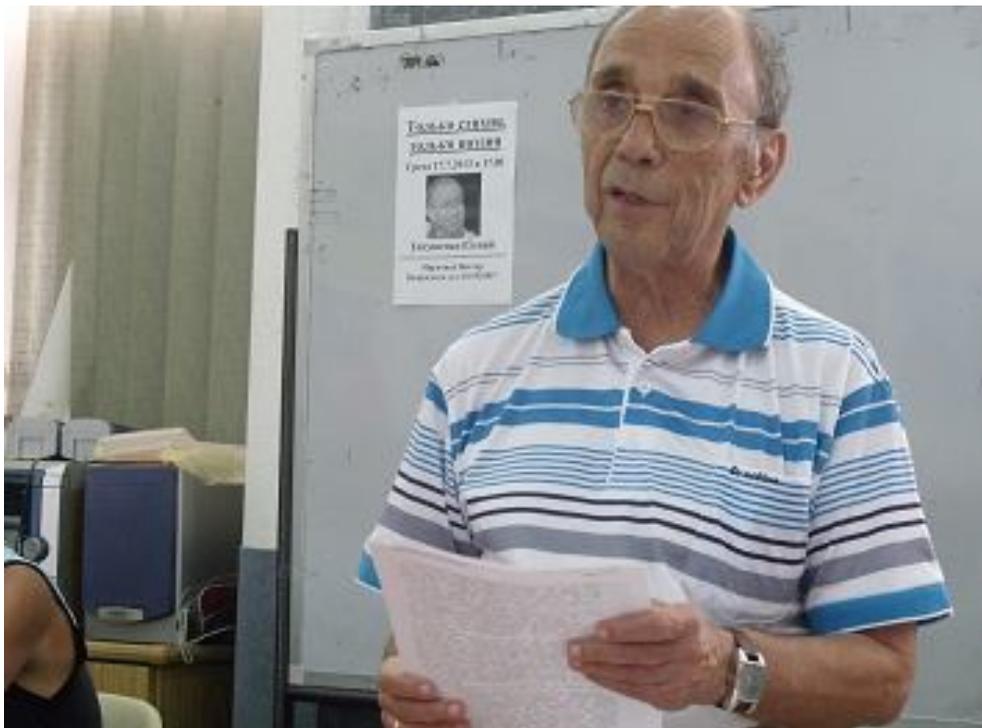
Светлую в душах надежду лелеем:
скоро придёт Машиах.
20.07.2010

Темой этой встречи был Евтушенко Евгений

Евгений Александрович Евтушенко (фамилия при рождении — **Гангнус**),
род. 18 июля 1933.

За день до нашей встречи ему исполнилось 80 лет.

Виктор Мирочник прочёл стихи Евтушенко и о нём.

"Диспетчер света"

Я диспетчер света, Изя Крамер.

Ток я шлю крестьянину, врачу,
двигаю контейнеры и краны
и кинокомедии кручу.

Где-то в переулочках неслышных,
обнимаясь, бродят, как всегда.

Изя Крамер светит вам не слишком?

Я могу убавить, если да.

У меня по личной части скверно.

До сих пор жены все нет и нет.

Сорок лет не старость, это верно,

Только и не юность сорок лет.

О своей судьбе я не жалею,

отчего же все-таки тогда

зубы у меня из нержавеющей

да и голова седым-седа?

Вот стою за пультом над водой,

думаю про это и про то,

а меня на белом свете двое,

и не знает этого никто.

Я и здесь в то же время где-то.

Здесь - дела, а там - тела, тела...

Проволока рижского гетто

надвое меня разорвала.

Оба Изи в этой самой коже.

Жарко одному, другой дрожит.
Одному кричат: "Здорово, кореш!"-
а другому: "Эй, пархатый жид!"
И у одного, в тайге рождаясь,
просят света дети-города,
у другого к рукаву прижалась
желтая несчастная звезда.
Но другому на звезду, на кепку
сыплется черемуховый цвет,
а семнадцать лет - они и в гетто,
что ни говори, семнадцать лет.
Тело жадно дышит сквозь отрепья
и чего-то просит у весны...
А у Ривы, как молитва ребе,
волосы туманны и длинные.
Пьяные эсэсовцы глумливо
шляются по гетто до зари...
А глаза у Ривы - словно взрывы,
черные они, с огнем внутри.
Молится она окаменело,
но молиться губы не хотят
и к моим, таким же неумелым,
шелушась, по воздуху летят!
И, забыв о голоде и смерти,
полные особенным, своим,
мы на симфоническом концерте
в складе продовольственном сидим.

Пальцы на ходу дыханьем грея,
к нам выходит крошечный оркестр.
Исполнять Бетховена евреям
разрешило все-таки эсэс.
Хилые, на ящиках фанерных,
поднимают скрипки старички,
и по нервам, по гудящим нервам
пляшут исступленные смычки.
И звучат бомбежки ураганно,
хоры мертвых женщин и детей,
и вступают гулко и органно
трубы где-то ждущих нас печей.
Ваша кровь, Майданек и Освенцим,
из-под пианинных клавиш бьет,
и, бушуя, - немец против немцев -
Людвиг ван Бетховен восстает!
Ну, а в дверь, дыша недавней пьянкой,
прет на нас эсэсовцев толпа...
Бедный гений, сделали приманкой
богом осененного тебя.
И опять на пытки и на муки
тащит нас куда-то солдатня.
Людвиг ван Бетховен, чьи-то руки
отдирают Риву от меня!
...Наш концлагерь птицы облетают,
стороною облака плывут.
Крысы в нем и то не обитают,

ну, а люди пробуют - живут.
Я не сплю, на вшивых нарах лежа,
и одна молитва у меня:
"Как меня, не мучай Риву, боже,
сделай так, чтоб Рива умерла!"
Но однажды землю молчаливо
рядом с женским лагерем долбя,
я чуть не кричу... я вижу Риву,
словно призрак, около себя.
А она стоит, почти незрима
от прозрачной детской худобы,
колыхаясь, будто струйка дыма
из кирпичной лагерной трубы.
И живая или неживая -
не пойму... Как в сон погружена,
мертвенно матрасы набивает
человечьим волосом она.
Рядом ходит немка, руки в бедра,
созерцая этот страшный труд.
Сапоги скрипят, сверкают больно.
Сапоги новехонькие. Жмут.
"Эй, жиловка, слышишь, брось матрасы!
Подойди! А ну-ка помоги!"
Я рыдаю. С ног ее икрастых
стягивает Рива сапоги.
"Поживее! Плетки захотела?
Не порви чулок! - И в грудь пинком.-

А теперь их разноси мне, стерва!
Надевай! Надела? Марш бегом!"
И бежит, бежит по кругу Рива,
спотыкаясь посреди камней,
и солдат лоснящиеся рыла
а вышек ухмыляются над ней.
Боже, я просил ей смерти, помнишь?
Почему она еще живет?
Я кричу, бросаюсь ей на помощь,
мне товарищ затыкает рот.
И она бежит, бежит по кругу,
падает, встает, лицо в крови.
Боже, протяни ей свою руку,
навсегда ее останови!
Боже, я опять прошу об этом!
Милоредный боже, так нельзя!
Солнце, словно лагерный прожектор,
Риве бьет в безумные глаза.
Падает... К сырой земле прижалась
девичья седая голова.
Наконец-то вспомнил бог про жалость.
Бог услышал, Рива: ты мертва...
Я диспетчер света, изя Крамер.
Я огнями ГЭС на вас гляжу,
грохочу электротракторами
и электровозами гужу.
Где-то на бетховенском концерте

вы сидите, может быть, с женой,
ну, а я - вас это не рассердит? -
около сажусь, на приставной.
Впрочем, это там не я, а кто-то...
Людвиг ван Бетховен, я сейчас
на пюпитрах освещаю ноты
из тайги, стирая слезы с глаз.
И, платя за свет в квартире вашей,
счет кладя с небрежностью с буфет,
помните, какой ценою страшной
Изя Крамер заплатил за свет.
Знает Изя: много надо света,
чтоб не видеть больше мне и вам
ни колючей проволоки гетто
и ни звезд, примерзших к рукавам,
чтобы над евреями бесчестно
не глумился сытый чей-то смех,
чтобы слово "жид" навек исчезло,
не позоря слова "человек"!
Этот Изя кое-что да значит-
Ангара у ног его лежит,
ну, а где-то Изя плачет, плачет,
ну, а Рива все бежит, бежит...

"Красное и черное"

Мальчик-ангелочек
лет шести,

сжавшись в комочек от ненависти.
Соску отмуслив,
с детства ты восстал.
Дяденек-массонов
ненавидеть стал.
Ангелочка-мальчика
к самому Кремлю.
Красная площадь.
Черная сотня.
Криком кресты на Блаженном креня,
антисемитская подворотня
доплеснулась уже до Кремля.
А микрофон в кулачище,
он - кистеня почище.
Чудится мне: к микрофону прилипли
под вопли,
что мне дики,
прежних погромов реликвии-
погибших детей кудерьки.
Настойками с разными травками
пахнут бойцы
с незванными
всеми заморскими кафками
и сахаровыми-цукерманами.
Рядом правительственные "Зилы"
в Спасскую башню ныряют бочком,
Охотнорядствующие верзилы,

может быть,
кажутся им пустячком?!
Но наступила пора признаться
в существовании наших "наци".
Нечерносотенцы в наше время
позорятся в том, что евреи.
Минин с Пожарским,
в какой мы трясине?
Если вы слышите:
"Бей жидов!",
бейте жидов,
спасайте Россию
от потенциально кровавых шутов!
Что-то вдруг закрутилось, завыло,
Что-то слилось во всеобщее рыло.
Мерзкое зрелище,
но без жутинки
Ну, а во мне - им назло- ни "жидинки".
Как потащить им сибирсакий мой нос
С гиком
на квасно-арийский допрос!
Но как плевки
и в глаза мне, и в лоб
гарканье: " Жидомасон!
Русофоб!"
Мальчик-ангелочек.
лет шести,

ты без проволочек
Русь решил спасти!
Вот такие ангелы нынче завелись...
Ты от злобы адовой
прежде сам спасись!
Чья рука толковая
вставила,
хитра,
в очи васильковые
столько недобра?
По чужим стопам идти,
Где на трупе-труп?
Дяденьки из "Памяти"
память всю сотрут.
Стань хоть чуть добрее
здесь, у входа в храм...
Вдруг бы ты - евреем
уродился сам!
Что будут делать антисемиты,
если последний русский еврей
выскользнет зернышком через сито,-
кто будет враг?
из каковских зверей?
Что, если к нашему с вами позору,
тоже еврей, оскорбленный до слез,
За выездною визой
к посольству

встанет смертельно
уставший Христос?!

Владимир Островский Жидомасон по фамилии Евтушенко

"Минин с Пожарским, в какой мы трясине!

Если вы слышите: "Бей жидов!",

Бейте шутов, спасайте Россию

От потенциально опасных шутов!"

Евг. Евтушенко "Красное и чёрное"

"Еврейский вопрос" в России существовал с незапамятных времён. И всё же он пережил некоторую эволюцию. При царизме евреи назывались презрительно "жидами". На советском этапе упоминание в литературе слова "еврей" было признаком дурного тона; был найден более благозвучный заменитель: "Лицо еврейской национальности". Секретные инструкции (о которых, кстати, знали все) предусматривали определённый процент евреев в ВУЗ,ах, научных учреждениях, на руководящих должностях. В братской шеренге советских народов евреи чётко знали своё место в строю. В такой обстановке (хотя это и была "оттепель") девятнадцатого сентября 1961 года было опубликовано стихотворение молодого поэта Евгения Евтушенко "Бабий Яр". Много воды утекло с той поры. После хрущёвской оттепели последовал леденящий душу бесконечный брежневский застой. Горбачёвская перестройка попыталась смыть накопленную за семь десятилетий грязь лжи, лицемерия и демагогии. И огромная империя, державшаяся только на силе, не выдержала первых ростков демократии и рассыпалась как карточный домик. А ведь процесс падения империи зла начинался именно во времена "оттепели", одним из самых ярких и колоритных представителей которой

был Евтушенко. Как на праздник, как в храм шли люди на поэтические вечера в Политехнический музей, на московские площади и стадионы. С радостью, изумлением и надеждой слушали они правдивые слова молодых поэтов и верили им.. Однако, и тогда были запретные темы, которых власти "рекомендовали" не касаться. Одной из таких тем был еврейский вопрос и, в частности, массовое истребление евреев в годы Великой Отечественной войны. Для чего это делалось? Скорее всего из-за боязни возбудить сочувствие к евреям со стороны людей других национальностей. В те годы официальной партийной версией являлась концепция о преступлениях гитлеровцев против советского народа в целом. И кому какое дело было, например, до того, что на Украине, в другом Яру-пирятинском-лежат вместе с сотнями других людей все мои родственники по отцовской линии, расстрелянные фашистами только за то, что родились евреями? Передовая русская интеллигенция понимала, что такая политика партии является, по-существу, государственным антисемитизмом. Знала, но молчала, потому что помнила о ГУЛАГе, о главном лозунге большевиков: "Кто не с нами, тот против нас!". Евтушенко был первым, кто нарушил этот заговор умалчивания. Нынешнему поколению читателей трудно оценить то гражданское мужество, которое потребовалось от поэта, чтобы написать и опубликовать "Бабий Яр":

"Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье...
Над Бабьим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно, по-судейски.
Всё молча здесь кричит, и, шапку сняв,
Я чувствую, как медленно седею.
И сам я, как сплошной беззвучный крик,

Над тысячами тысяч погребённых.
Я - каждый здесь расстрелянный старик.
Я - каждый здесь расстрелянный ребёнок.
Ничто во мне про это не забудет!
"Интернационал" пусть прогремит,
Когда навеки похоронен будет
Последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей,
Но ненавистен злобой заскорузлой
Я всем антисемитам, как еврей,
И потому - я настоящий русский!"

на поклон к Бабьему Яру, я был потрясён тем, что не нашёл там не то что монумента, но даже скромного памятного знака. Передо мной был овраг, заваленный мусором-бесстыдная свалка поверх стольких жертв, среди которых были женщины и дети. На следующий день я уже прочёл новое стихотворение в Киеве, после чего меня... обвинили в наплевательском отношении к русскому народу только за то, что я почувствовал боль другого народа, как свою". Вскоре после опубликования стихотворения к Евтушенко Вот как сам Евтушенко вспоминает о замысле этого стихотворения: "В 1961 году, когда я впервые пришёл позвонил великий композитор Дмитрий Шостакович с просьбой позволить ему написать музыку на эти слова. Когда поэт с радостью согласился, последовало приглашение приехать незамедлительно. Каково же было изумление Евтушенко, когда Шостакович сыграл ему на фортепиано все основные темы будущей знаменитой "Симфонии #13". Все пять частей симфонии написаны на слова стихотворений Евтушенко: "Бабий Яр", "Юмор", "В магазине", "Страхи", "Карьера". Шостакович говорил, что "Бабий Яр" настолько потряс

его, что решение написать музыку на эти слова созрело мгновенно. Тринадцатая симфония была создана в невиданно короткий срок: первое её исполнение состоялось восемнадцатого декабря 1961 года. И стихотворение "Бабий Яр", и "Тринадцатая симфония" явились событиями не только культурного, но и политического значения. К примеру, испугавшись возможных гонений, от исполнения симфонии отказались всемирно известные исполнители: дирижёр Е. Мравинский и певец Б. Гмыря. Судьба публикации стихотворения оказалась "проще": когда поэт пришёл в "Литературную газету", главный редактор Косолапов, прочитав произведение, сказал Евтушенко, что для окончательного решения он должен позвать и посоветоваться с... женой, так как если стихотворение будет опубликовано, его уволят с работы. Поэт вспоминает: "Когда она прочла эти стихи, она вышла вместе с мужем, обняла меня... и сказала: "Знаете, Женя, мы решили быть уволенными". Вскоре его уволили. Можно понять людей, испугавшихся этой "крамольной" темы. Надо низко поклониться тем, кто с риском для себя и своих близких способствовал выходу в свет этих гениальных произведений. Ведь даже главный архитектор "оттепели" Никита Хрущёв неоднократно критиковал Шостаковича за то, что он "написал какую-то симфонию "Бабий Яр" и поднял никому не нужный еврейский вопрос". В 1962-63 годах Евтушенко "пожинал богатый урожай" от публикации этого стихотворения; ведь михалковых и прохановых и в те времена было предостаточно, а занимали они, как правило, самые высочайшие посты в литературно-партийной иерархии. Дело дошло до самых верхов. В речи на встрече с деятелями литературы и искусства восьмого марта 1963 года Н. Хрущёв сказал: "В Центральный комитет партии поступают письма в которых высказывается беспокойство по поводу того, что в иных произведениях в извращённом

виде изображается положение евреев в нашей стране...". Так отец "оттепели" отреагировал на ростки правды и свободы, семена которых он сам же по неосторожности посеял. Уже осенью 1961 года он ясно понял, что партийно-бюрократическая система, которой он управлял, и демократия, которую он провозгласил - вещи несовместимые. Надо было искать выход из тупика. Выход он видел единственный, но проверенный на протяжении веков - евреи. С высокой трибуны он продолжал: "...В декабре на нашей встрече мы уже касались этого вопроса в связи со стихотворением поэта Евтушенко "Бабий Яр". Обстоятельства требуют, чтобы мы вернулись к этому вопросу. За что критикуется это стихотворение? За то, что его автор не сумел правдиво показать и осудить фашистских, именно - фашистских преступников за совершённые ими массовые убийства в "Бабьем Яру". В стихотворении дело изображено так, что жертвами фашистских злодеяний было только еврейское население. Из этого стихотворения видно, что автор его не проявил политическую зрелость и обнаружил незнание исторических фактов. Кому и зачем потребовалось представлять дело таким образом, что будто бы население еврейской национальности в нашей стране кем-то ущемляется? Это неправда... У нас не существует еврейского вопроса, а те, кто выдумывают его, поют с чужого голоса". Я пытаюсь воссоздать историческую картину той далёкой поры, так как не раз "доброжелатели" поэта как в бывшем Союзе, так и, что особенно удивительно и парадоксально, в Израиле пытаются обвинить Евгения Евтушенко в том, что "Бабий Яр" был написан им по заказу "сверху" и в погоне за популярностью. Вот как ответил в 1963 году сам поэт на эти бредовые обвинения: "Не будет хитрой цели у меня. \ Но кто-то с плохо сдержанною яростью, \ Наверно, прошипит, что умер я \ В погоне за дешёвой популярностью". Особенно "удачной" эта погоня была после начавшейся словно по мановению

волшебной палочки яростной травли поэта во всех центральных газетах. Целая страница "Комсомольской правды" от седьмого апреля 1963 года была отведена для гневных писем трудящихся по поводу опубликованной за рубежом "Автобиографии" Евгения Евтушенко. Вот отрывок из одного письма:

"Я еврей по национальности и должен честно признаться, что мне нравилось стихотворение "Бабий Яр", но когда я прочёл послание Б. Рассела Н.С. Хрущёву, я понял на чью мельницу (вольно или невольно) льют воду авторы подобных произведений. Ведь падкой до сенсации буржуазной прессе они дают отличный повод поупражняться в клевете на нашу страну".
Подпись: В. Гиршевич, студент.

В одной из центральных газет появилось злобное стихотворение А. Маркова:

"Какой ты настоящий русский,
Когда забыл про свой народ?...
...Пока топтать погосты будет
Хотя б один космополит,
Я говорю: я русский, люди!
И пепл в сердце мне стучит".

Можно смело сказать, что стихотворение "Бабий Яр" было эпохальным, так как отчётливо разделило общество на два лагеря: русских антисемитов и настоящих русских, среди которых был весь цвет русской науки и культуры. Стихотворение и полемика вокруг него (с пламенными стихами в защиту Евтушенко выступили С. Кирсанов, К. Симонов, М. Алигер, И. Эренбург и другие) в большой мере способствовали возникновению и углублению самосознания значительной части советских евреев. Но всё происшедшее оказало огромное влияние и на самого поэта: он понял суть лживой и

грязной системы, в которой жил: сколько раз слышал он о братской дружбе народов СССР. В результате всё это оказалось демагогией и фикцией.

"Как я веровал глупо и чисто,

Но безжалостно, наповал

Коммуниста-идеалиста

Коммунизм во мне убивал.

Я устал от лакейской породы

И махания кулаков

"А з-за ск-олько ты Р-родину продал?"

Так и дёргался Михалков".

Прошло сорок лет, но стихотворение попрежнему актуально, оно, как и

прежде в строю. И так же, как и прежде поэт "ненавистен злобой

заскорузлой" всем антисемитам. В начале 1992 года виднейшие русские

"поэты-патриоты" организовали в Москве церемонию публичного

сожжения чучела Евтушенко, которая проходила под аккомпанемент

антисемитских лозунгов в лучших традициях русской "чёрной сотни".

Борьба с антисемитизмом была и остаётся одним из главных мотивов в

творчестве поэта; этим он продолжает лучшие гуманистические традиции

русской культуры, наиболее яркими представителями которой были Л.

Толстой, Н. Бердяев, В. Короленко. В поэме "Братская ГЭС", написанной в

1965 году, есть такие строки:

"Знает Изя, много надо света,

Чтоб не видеть больше мне и вам,

Ни колючей проволоки гетто

И ни звёзд, примёрзших к рукавам,

Чтобы над евреями бесчестно

Не глумился сытый чей-то смех,

Чтобы слово "жид" навек исчезло,
Не позоря слова "человек"!"

Еврейская тема проходит через всё творчество Евтушенко. Вот что он пишет через четверть века: "... Что будут делать антисемиты,

Если последний русский еврей
Выскользнет зёрнышком через сито,-
Кто будет враг? Из каковских зерей?

Что если к нашему с вами позору,
Тоже еврей, оскорблённый до слёз,

За выездную визой к посольству \ Встанет смертельно усталый ХРИСТОС?!"

Когда-то генеральный директор фестиваля искусств имени Соломона Михоэлса Михаил Глуз сказал: "Если бы Евгений Александрович написал только один "Бабий Яр", мы и за это должны были бы поставить ему памятник". Это будет памятник за гражданское мужество. Но ведь кроме того, Евтушенко - бестящий мастер гражданской и интимной лирики (последняя выходит за рамки данной статьи). Своим фашиствующим оппонентам, обвинявшим его в жидомасонстве, поэт ответил всем своим творчеством.

"А любил я Россию

Всею кровью, хребтом –

Её реки в разливе

И когда подо льдом.

"Идут белые снега".

Грешен тем, что драться думал

За хорошего царя.

Нет царей хороших, дурень...

Стенька, гибнешь ты зазря!

"Казнь Стеньки Разина"".

"Потеряла Россия

В России

Россию.

Она ищет себя, как иголку в стогу.

"Потеря""

"И падаю я на пол, дышаю,

А всё никак подохнуть не могу.

Гляжу с тоской на мой родной Дахау

И знаю - никогда не убегу.

Кто в клетке зачат - тот по клетке плачет,

И с ужасом я понял, что люблю

Ту клетку, где меня за сетку прячут,

И звероферму - родину мою.

"Монолог голубого песка на аляскинской звероферме"".

Болью за судьбу России пронизаны все эти произведения и только окнчательно потерявший чувство восприятия человек не понимает этого.

Поэт отчётливо видит причину всех бед, постигших его народ - бесчеловечную партийно-чиновничью советскую систему. Об этом он пишет в знаменитом стихотворении "Наследники Сталина":

"Нет. Сталин не умер...

Считает он смерть поправимостью,

Мы вынесли из мавзолея его,

Но как из наследников Сталина

Сталина вынести?"

Оказывается, что жидомасон Евтушенко радел не только о проклятом племени. Он страстно любил и любит свою родную Россию и ему всегда бывает очень стыдно за хамство некоторых сородичей, за их высокомерие и неуважение к другим народам. Ведь "поэт в России больше, чем поэт".

Шагалова Марина тоже прочла ....

Константин Баскович прочёл свои стихи:

Рондо 14

В сиротливом окне... Вероятность того, что вернётся
до скончания дней, человек «в потолок не плюётся»,
в долгожданный покой возвращается скучный остаток,
и дыхание – чёрное кофе, но горек осадок...

Возвращается ради любви неглухого оконца,
человек от большой человечности и до знакомства,
от падения в страх до несходства с такими, кто падох,
и какая-то грусть из разгрома втекает в порядок,
В сиротливом окне...

Перестань обо мне...не грустить и не думать до солнца,
повторять можно тысячу раз, что любовь остаётся,
но к тебе и ко мне не пришёл в этом деле достаток,
и прошло уже больше, чем за день в столицу десятков ...
Может счастье и шип, об который легко уколоться...
В сиротливом окне...

Рондо 30

О, времени нагота!.. о, песни небытие!..
как будто привязан ты, но вольный, как Роб-Гриيه...
Читаешь мысли свои, срисовываешь края...
так, словно раздавлен ты, но вольный, как Труайя...
И если листва летит, как речи на забытье,
на камни тревожных лет...в души твоего жилья...
То как бы тебе забыть отчаянье воронья,
и больше уже не знать причастие соловья,
о, времени нагота!..
Ободранный, гол и нищ... в конфузе конферансье...

выходишь напичкан весь веселием по весне
во двор, проглотив свой дым, спасеньем своим плюя,
и море, как древний Рим на кончике остря
предателя, подлеца...но власть в фонтана струе...
О, Времени нагота!..

Григорий Авербух прочёл своё стихотворение:

Ода Глупости

Эразму Роттердамскому

Она рядится в разные одежды,
Себе возводит мощный пьедестал,
Но почему-то до сих пор надежды
Я развенчать ее не потерял.
Всегда чванлива и высокомерна,
Сметает все преграды на пути,
И кем он был, тот дурачина первый,
Мечтавший до министра дорости.
Самодоволен и весьма осанист,

Стерёг свой стул,

а также ёмкий зад.

Предпочитал бумаги полю брани
И был наградам несказанно рад.
От глупости не скрыться под землёю,
Она настигнет даже в небесах.
И мы бываем рады ей порою,
Как рад дождю давно отцвёвший сад.

Григорий также прочитал стихотворение Леонида Мартынова "Пруд".